

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА

Тезисы докладов научной конференции

(Москва, 2020)

Издательство «Ключ-С»
Москва, 2020

Утверждено к печати
Ученым советом ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Ответственный редактор:
Н.С. Кулешова

Редакционная коллегия:

И.И. Абылгазиев, М.В. Воронцова, Н.В. Громова,
В.Б. Иванов, В.А. Исаев, С.А. Кириллина, Н.С. Кулешова,
Л.Т. Нечаева, О.А. Машкина, М.С. Мейер, В.В. Орлов,
К.А. Панченко, М.Л. Рейснер, А.Л. Сафронова,
Ж.С. Сыздыкова, М.Ю. Ульянов, О.В. Демочкина,
К.Б. Волкова.

Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика : тезисы докладов научной конференции (Москва, 2020 г.) / Мос. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки; отв. ред. Н. С. Кулешова ; редкол.: И. И. Абылгазиев, М. В. Воронцова, Н. В. Громова [и др.]. – Москва : Ключ-С, 2020. – 384 с.

ISBN 978-5-6044331-8-8

Предлагаемое издание представляет собой сборник тезисов докладов профессоров, преподавателей и научных сотрудников ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, а также приглашённых специалистов из ряда ведущих академических институтов и общественных организаций РФ.

УДК 908(5/6)(082)
ББК 26.89(5+6)я431

ISBN 978-5-6044331-8-8

© Институт стран Азии и Африки, 2020
© Оформление. Издательство «Ключ-С», 2020

Африканистика

Порхомовский В.Я.

Литературные жанры, контактные идиомы и формирование языковой нормы в бесписьменных и младописьменных языках Африки

Язык как обозначение конкретной естественной знаковой системы, именуемый, как правило, по названию сообщества, преимущественно используемого для общения именно эту систему, представляет некую совокупность различных форм существования языка, функциональных, ареальных, социальных. Эта совокупность может быть исключительно сложной и многообразной, но в предельном варианте ее может составлять лишь один гомогенный идиом.

Состав и структура форм существования языка в каждом конкретном случае определяется условиями и особенностями их образования и функционирования. При этом существенная роль принадлежит эпистемологическим традициям и терминологическим системам, сложившимся в рамках соответствующих научных школ. Это хорошо видно на примере формы существования языка, которая занимает высшую ступень в языковой функциональной парадигме. В русской филологической традиции эта форма именуется «литературный язык», чему соответствует «la langue poétique» во французской традиции и «standard language» в англо-американской, тогда как формальные эквиваленты русского термина в этих языках скорее означают «язык художественной литературы».

Настоящий доклад посвящен формированию письменной языковой нормы в языках Африки южнее Сахары. Специфика данной

двумя парами, одна из которых представляет изображение местной знати.

Цинские «Чжигун ту» активно изучаются в Китае и за его пределами. В России соответствующий проект в последние годы реализуется в СПбГУ.

Одним из самых интересных иллюстраций сборника являются две пары изображений обитателей России (одна из них – это изображение российского чиновника с женой). Данные рисунки привлекают внимание исследователя прежде всего тем, что внешний облик нарисованных на них персонажей во многом далек от внешнего облика россиян того времени.

Это обстоятельство, в свою очередь, ставит вопрос об прототипе изображенных там образов. Предположения, согласно которым рисунки мог быть подготовлен с опорой на соответствующие европейские издания или на рисунки, выполненные китайским художником в Кяхте или в Пекине, где в это время побывали торговый караван, дипломатические курьеры и прибыл новый состав Духовной миссии, не позволяют решить эту проблему. Следует отметить, что этот же вопрос ставился исследователями и при анализе других изображений «Чжигун ту», но также до конца решен не был.

Более перспективным оказывается анализ текста, сопровождающего рисунок, и сопоставление рисунка и текста с другими рисунками и текстами собрания. Анализ текста показывает, что он восходит к фрагментам китайского сочинения «И юй лу» (Записки о чужеземном крае), содержащим описание путешествия китайского посла в Волгу, направленного на Волгу к калмыцкому правителю Аюке-хану (1712–1715). Фрагменты эти, судя по всему, были воспроизведены по цитате из этого текста, включенной в посвященный России раздел китайского географического свода «Да Цин и тун чжи». Сопоставление текста и рисунка дает основание предполагать, что текст в данном случае был первичен, а рисунок был подготовлен, чтобы его иллюстрировать. Сопоставление же других рисунков (например, рисунок, где изображены поляки) с сопутствующими текстами показывает, что в других случаях первичным мог быть рисунок, а подпись была призвана объяснить нарисованное.

Проведенный анализ, таким образом, позволяет говорить о наличии как минимум двух моделей подготовки материалов для данных сборников.

Волчкова Е. В. Описания народа гэлао в «альбомах мяо» XVIII – начала XIX вв.

«Альбомы мяо» представляют собой собрания изображений и сопровождающей информации о народах Юго-Западного Китая (чаще всего – пров. Гуйчжоу и Юньнань), которые получают распространение в Китае в XVIII в. с активизацией политики перевода окраинных регионов под прямое управление имперской администрации (*гайту гуйлю*). В отличие, например, от альбомов «Хуан Цин чжигун ту» (Изображения данников августейшей Цин), альбомы мяо создавались не под императорским патронажем, а по частной инициативе, которая нередко принадлежала чиновникам, служившим в юго-западных областях, или ученым, занимавшимся сбором и классификацией этнографической информации о неханьских народах. Тексты в таких альбомах могли заимствоваться из историко-этнографических описаний провинций (например, «Гуйчжоу тунчжи») или же писались самим составителем на основании реальных наблюдений за бытом населения Юго-Запада. Цветные иллюстрации также обнаруживаются знакомство создателей – профессиональных художников – с предметом изображения.

Помимо собственно тех этнических групп, которых китайская традиция классифицировала как мяо, альбомы мяо описывают и другие народы, проживавшие в Гуйчжоу и сопредельных регионах. Одним из таких примеров может служить народ гэлао, анализ приводемой информации о котором дает возможность проследить структуру интереса составителей альбомов к предмету описания. Язык гэлао относится к паратайской (тай-кадайской) языковой семье, однако из-за долговременного проживания рядом с мяо гэлао восприняли от них ряд культурных традиций, что отмечается некоторыми составителями альбомов мяо. Гэлао классифицируются в этих альбомах согласно принятой имперской практике – исходя из наиболее ярких черт материальной культуры и быта («выбивающие зубы гэлао», «красные гэлао», «цветные гэлао», «гэлао в накидаках», «стригущие волосы в виде] круга для котла», «гэлао в накидаках», «стригущие волосы гэлао», «кующие железо гэлао», «водные гэлао» и т.д.)

Прежде всего, в описаниях заметен политический интерес составителей – часто текст резюмируется выводом о способности той или

иной группы к взаимодействию с властями, мирном или немирном характере, трудолюбии и выборе достойного или недостойного, с точки зрения властей, типа хозяйствования. Одновременно альбомы мяо становятся воплощением краеведческого интереса к южным регионам Китая среди ученых цинской империи, который выражается в каталогизации этнографической информации. Применительно к гэлао, в частности, составители анализируемых альбомов выделяют три разных типа причесок и головных уборов, наиболее яркие элементы традиционной одежды и типы жилых построек; описывают шаманские верования и структуру брачных отношений. Наконец, еще один аспект описаний – заметный интерес ко всему этногическому, чудесному (и нередко морально амбивалентному) в жизни неханьских народов – делает альбомы мяо к концу XVIII в. популярными среди широких слоев населения. У разных групп гэлао, например, составители фиксируют (и сопровождают подробными иллюстрациями) обычай выбивания зубов невестами перед свадьбой, необычный для китайцев похоронный обряд, специфические формы жертвоприношений, склонность к вооруженному насилию и антисанитарные привычки.

Литература

1. Мяо фань ту 苗蕃圖 (Альбом вассалов мяо). Б/м, б/г. – Chinese Rare Book Collection. Library of Congress. <https://www.loc.gov/item/2014514068/>
2. Фан Тин. Мяомань ту цэ е 苗蠻圖冊頁 (Альбом мяо и маней). Б/м, 1786. – Chinese Rare Book Collection. Library of Congress. <https://www.loc.gov/item/2014514069/>
3. The Art of Ethnography: A Chinese «Miao Album» / Trans. David M. Deal and Laura Hostetler. Seattle: University of Washington Press, 2006. 177 p.

Симонова-Гудзенко Е.К.

«Приклучения» географической карты Японии: Франция – Россия – Япония

Картография, являясь одновременно наукой, искусством и техникой, предполагает и многофункциональность использования карты. Как и любой другой исторический документ географическую карту возможно интерпретировать лишь в историческом контексте ее соз-

дания и использования. С древних времен географические карты создавались мастерами в одних странах, использовались в разных, пути их «движения» часто были запутаны и сложны.

В 1792 г. Россия предприняла попытку установления отношений с Японией. Была направлена миссия под руководством Адама Лаксмана (1766–1806), в числе задач которой было сопровождение на родину Дайкоку Кодая (1751–1828), японского капитана, потерпевшего кораблекрушение и проведшего 11 лет в России. История японского капитана, потерпевшего кораблекрушение у дальневосточных берегов России, широко известна. В историографии данное событие традиционно рассматривается как один из важных этапов российско-японских отношений XVIII в. Доклад посвящен «приклучениям» карты Японии, которая была привезена русским посольством в далекую восточную страну.

Во время своего пребывания в России японский капитан по просьбе принявшей его страны делал карты Японии. Вероятно, Кодая рисовал карты Японии в период 1789–1791 в Иркутске и Петербурге, исследователи полагают, что он сделал 7 карт. Дневник японского капитана, умение пользоваться морской картой позволяют предположить его достаточно высокий уровень образования. Вызывают удивление допущенные им неточности при создании карт японского архипелага. Возможно, именно эти неточности в сделанных японцем картах, явились одним из оснований включить карту Японии в комплект 10 карт (мира, Европы, Азии, Африки, Америки, Азии и Америки, полная карта России, «гармошки» из 8 карт наместничеств и губерний России, Петербурга, Японии), привезенных посольством А. Лаксмана.

В Японию была отправлена карта 1679 г. Ж. Б. Тавернье (1605–1689) известного французского путешественника XVII в.

Одна из первых книг о Японии в России была издана в 1734 г. В ней были приведены некоторые общие сведения об островах и их жителях, а также рассказывалось о гонениях на христиан. Книга «Описание о Японе: Содержащее в себе три части, то есть: Известие о Японе и о вине гонения на христиан, Историю о гонении христиан в Японе и Последование странствования Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено» была составлена из трех адаптированных для русских читателей сочинений Ж. Б. Тавернье, Р. Жизберца, Ф. Карона и открывалась картой Япо-